

ЖЕНСКОЕ
СЧАСТЬЕ

Мария
Метлицкая

**Вполне
счастливые
женщины**

Москва
2018

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М54

Художественное оформление
Алексея Дурасова

Метлицкая, Мария.

М54 Вполне счастливые женщины / Мария
Метлицкая. — Москва : Эксмо, 2018. — 288 с.

ISBN 978-5-04-098121-2

Большинство людей на вопрос, счастливы ли они, ответят отрицательно. Более того, они, скорее всего, даже перечислят, что именно им нужно для полного счастья. Героини Марии Метлицкой — кто раньше, кто позже — понимают, что счастье в самых простых вещах — в запахе флоксов по утрам на старой даче, в улыбке ребенка, в благодарном взгляде любимого человека. Важно ценить то, что имеешь, и тогда обязательно будешь счастлив.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-098121-2

© Метлицкая М., 2018
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2018

Вполне счастливые женщины

Всем хороша была Настя Емельянова. Рост — метр семьдесят, не дылда по нынешним временам. Не из тех мутантов под два метра, рядом с которыми нормальный мужчина чувствует себя ущербным карликом. Под ее рост любой мужчина подойдет. Фигура — все при ней. Бедра на месте, и в лифчике без пустот. Шея длинная, запястье тонкое, ступня узкая. А про лицо и говорить нечего. Волосы светлые, легкие, глаза голубые, нос — что в фас, что в профиль. А по остальным пунктам? Тоже не придерешься. Образование высшее, работа приличная — язык, компьютер, чистый офис в центре. Квартира своя однокомнатная — родителям спасибо. Да и сама и вяжет, и печет. О ресторанах и ночных клубах не думает. С работы — домой. Бархатные брючки с маечкой, тапочки с собачьей мордой — и на диван, к телевизору — спицы, клубки. Не жена — мечта. Тихий причал. Вот только за муж никто не предлагает. Не везет просто. Хо-

дил три года один женатик — ныл, жрал и спал. А к ночи бегом домой. На часы взглянет — и трясется от страха как бобик. Трясса, трясса, а потом и вовсе слинял. Даже не объяснился. Если посчитать, сколько на него денег потрачено... Тут и рубашки к празднику, и одеколоны французские. А деликатесы! Икра, севрюга... Все зря! Обидно было до слез. Плакала не от горя, а от злости.

А потом появился Игорь. Все, думала, здесь повезет. Холостой, тридцать лет, фактурный, работает в солидной фирме. Не жадный. Никаких бывших жен и алиментов. Костюмы сидят как влитые, галстуки дорогие, машина приличная. Бери голыми руками. Не тут-то было. Второй год ходит. Правда, с цветами и конфетами. А толку? Она его ждет — халатик шелковый, стол под кружевной скатертью. Приборы, свечи, тихая музыка. В духовке — рыба по-польски, белое вино охлаждается, на десерт взбитые сливки с фруктами.

Он заходит, чмокает в щеку, в кресло садится, очки снимает — переносицу трет. Устал. А Настя молчит, все понимает, в душу с разговорами не лезет. Может, в душ, Игорек? Он соглашается. А она ему в ванную халат махровый голубой и тапочки в синюю клетку. Это потом уже и рыба, и вино. Все по схеме. Как мама учила. А мама у Насти — будьте любезны, авторитет! Папашу-ин-

женера быстренько задвинула и замуж за депутата. Это в пятьдесят-то лет! Живет сейчас — говорить нечего. Сама себе сказку устроила, своими руками.

Да, так вот, Игорек после ужина уже расслабился и улыбаться начал, а она его не в койку тянет, а на диванчик к телевизору — новости эти дурацкие смотреть. Такое все мужчины любят. А сама рядом, с краешку. Спицами звяк-звяк. Ничего, мы терпеливые. Это мы вам позже покажем, на что способна умная и тонкая женщина.

А он, гад, второй год ходит, ест, нахваливает, газетки листает. А про замуж — ни-ни. Настя ждет каждый божий день, а он как воды в рот набрал. Потом Настя, конечно, от злости и обиды плачет, но он этих слез не видит. Ему одни улыбки. Ну что ему еще надо? Настя искренне не понимает. Но в руки себя берет и борьбу продолжает. Что поделаешь, вся жизнь — борьба. Так учила мама.

В мае как-то вдруг сказал: «В субботу, Настюш, на дачу поедем. Там уже сирень цветет». Какая сирень, там мамаша его живет! Так, значит, лед тронулся! Мамаша для него — первый человек. Так ей Игорь объяснял. А она его мамашу хоть и заранее терпеть не могла, но на Восьмое марта конфетки и цветочки регулярно отправляла.

Вечером Настя расстаралась: пирожков с капустой напекла, каждый с мизинец, курицу с ябло-

ками в духовке зажарила. Все в корзиночку сложила, льняной салфеткой прикрыла. Волосы зачесала гладко, косметики никакой. Джинсы, свитерок в клеточку, белые кроссовки. В машину впорхнула — не женщина, свежий морской ветерок. Настроение замечательное. Думает, вот сейчас ситуация переломится. Конечно, в ее, Настину, пользу. Всю дорогу в машине напевала: «Без меня тебе, любимый мой, лететь с одним крылом». Тихонько так напевала, но слова-то не пустые. Пусть задумается, куда он без Насти долетит. Улыбалась — да, милый, хорошо, милый.

А в душе тревога. Какая она, его мамаша? Представляла себе ее крупной, ярко накрашенной, с сигаретой и громким голосом. В общем, вся властная такая. А оказалось, старушка — божий одуванчик. Буколки седые, синькой подкрашенные, очки на носу. Низенькая, полненькая — чистый колобок. Ну, эту мы быстро обезвредим, подумала Настя. Из машины выпорхнула — ангелица без крыльев. И здравствуйте, добрый день, и как здоровье, и какой у вас тут воздух — прямо пьешь, и сирень какая — мои любимые цветы. Бабка покивала и в дом пошла, а Настя осталась причитать у крыльца.

Время к обеду, бабка сидит, не шелохнется, сериал дурацкий смотрит. Но Настю так просто голыми руками не возьмешь. Вздохнула поглубже и корзиночку свою плетеную вытащи-

ла. И опять защебетала — где стол накрывать, Игорек? Ах, аппетит на воздухе будь здоров! Мамаша его со стула не встала, только на буфет кивнула — посуда там. Ничего, переживем. Настя волчком закрутилась. Овощи на салатные листья разложила, брынзу нарезала, базиликом присыпала. Пирожки на блюдо, курочку на куски, кружками ананасов украсила. И голоском таким мелодичным, звенящим — всех к столу! За обедом Игорь с мамашей разговаривают, вроде Насти и нет рядом. У нее комок в горле. Но на лице улыбочка — курочки еще положить? Мамаша ест, а слова доброго не скажет — ни про пирожки, ни про красоту на столе. Настя посуду собрала, в тазу моет, маникюр не жалеет, а у самой слезы из глаз от такого приема. Потом гулять пошли по поселку. Игорек оживился, про детство свое рассказывает. Здесь в футбол гоняли, здесь яблоки обрывали, здесь по ночам костры жгли. Очень интересно! А Настя идет рядом, головой кивает, а сама думает: все тебе припомню и мамаше твоей. Все до копейки. Подожди, время придет.

Вечером в Москву засобирались — ни тебе посиделок, ни чаев вечерних, ни разговоров. Мама сыночка расцеловала, а Насте кивнула сухо, небрежно. Какое там «Была рада познакомиться» или «Приезжайте еще». Настя в машине молчала, песен уже не пела. Настроение — хуже

некуда. А вот Игорек радовался — воздухом подышали, с мамой повидались, детство вспомнили. Настю от этих радостей затошнило. Так обиделась, что в первый раз его зайти не пригласила.

— Извини, дорогой, голова разболелась.

— Это у тебя от воздуха, — почему-то обрадовался он и укатил, всем вполне довольный.

Дома Настя выпила рюмку коньяку, сигарету выкурила и наревелась вдоволь. Больше всего она не любила, когда что-то шло не по плану. А потом взяла себя в руки и сказала твердо и громко, глядя в зеркало:

— Ну, это мы еще посмотрим, кто кого.

Следующим тактическим ходом был Настин день рождения. Все продумано до мелочей. Наряд — нежный, небесно-голубого цвета, под Настины глаза. Стол — никаких салатов с тяжелым майонезом. Руккола с помидорами и моцареллой, семга под соевым соусом, слоеный пирог с пармезаном. А главное — компания. Две семейные пары, Настины коллеги. Успешные, молодые, красивые. Настя готовила свой будущий круг.

Разговоры крутились вокруг нянь и домработниц, летнего отдыха на Сицилии или на Ибисе, последних коллекций дизайнеров, новых марок машин. Женщинам этим, уже замужним и устроенным, Настя, конечно, завидовала, с удовольствием находя в них изъяны. Но сей-

час ее волновало другое. Они выполняли свою функцию — своим присутствием и благополучием должны были подтолкнуть бестолкового Игоря к действиям. В подарок Игорь принес банальные бордовые розы на длинных стеблях, которые Настя не выносила, и дежурный флакон французских духов. А так хотелось увидеть маленькую бархатную коробочку с тоненьким изящным колечком! Что же, терпение и еще раз терпение. Настя загадочно улыбалась, плыла по квартире и красиво разливала кофе в изящные маленькие чашки.

После кофе решили потанцевать. Настя положила голову Игорю на плечо и обняла его за шею — легкими, невесомыми руками. В дверь раздался настойчивый, долгий звонок.

— Кто это? — удивился Игорь. — Мы еще кого-то ждем?

Настя пожала плечами, подошла к двери и посмотрела в глазок. За дверью стояла Лолка — соседка с пятого этажа. Дурацкая и вульгарная девица, навязчивая, как цыганка. Больше всего на свете Насте хотелось приоткрыть дверь и послать эту Лолку куда подальше. Но за спиной у нее стоял Игорь. Пришлось открыть. И изобразить нечаянную радость. Лолка стояла в красном платье с распущенными по плечам черными густыми кудрями, в босоножках на высоченных каблуках и, конечно, с сигаретой в зубах.

— Настька, я только сейчас вспомнила, что у тебя день рождения, — радовалась Лолка.

«Этого-то я и не предвидела», — с ужасом подумала Настя. Лолка сунула ошарашенной Насте в руки пакет с подарком, плечом отодвинула Настю и зашла в комнату.

— Всем приветик! — бросила она.

Все неловко замолчали.

— Чего-то у вас невесело, — удивилась Лолка. Она плюхнулась на диван и томно произнесла, обращаясь к Игорю: — Шампанского, пожалуйста!

Игорь почему-то засуетился. Настя вышла на кухню. Надо было взять себя в руки. Когда она вернулась в комнату, Игорь уже танцевал с Лолкой, плотно прижав ее к себе.

Настины гости растерянно попереглядывались и вдруг засобирались по домам. Все стояли в прихожей и благодарили Настю за чудесный вечер. В комнате Игорь с Лолкой продолжали свой бесконечный танец.

— Игорь! — хриплым голосом крикнула Настя. — Ребята уходят!

Не сразу и с некоторым усилием он оторвался от Лолки и вышел в прихожую с отрешенным лицом и отсутствующим взглядом. Проводили гостей. Вернулись в комнату. Посреди комнаты стояла Лолка и раскачивалась в такт музыке. Увидев Игоря, она протянула к нему руки, и они снова вцепились друг в друга.

Настя растерялась, она не понимала, что делать. Да нет, конечно, надо было взять эту стерву за космы и выкинуть за дверь. А выдержка, самообладание, мудрость, наконец? Устроить непотребный скандал? Нет уж, извините. Тогда все коту под хвост, все усилия. Я — тонкая и нежная. А хабалкой пусть остается Лолка. Настя стала мыть посуду. Чего ей это стоило, знал один бог. В комнате весело щебетали Игорь и Лолка.

— Лолик, — прошипела сквозь зубы Настя, — извини, мы устали.

— Да? — удивилась Лолка. — Ну я пошла. Утром приходите ко мне на кофе.

— Что?! — не смогла сдержать свое возмущение Настя. Ну не железная же она, в конце концов.

Она захлопнула дверь за Лолкой и повернулась к Игорю.

— Ну, как все прошло? — мягко спросила она.

— Отлично, малыш. А сейчас спать, я действительно жутко устал.

Настя ожидала и ночи любви, и милых семейных сплетен по поводу вечера. Ничего подобного. Игорь клонул ее в щеку и отвернулся. Позевывая и пытаясь скрыть свое явное любопытство, спросил у Насти:

— А что, эта твоя соседка правда испанка?

— Слушай ты ее больше, цыганка наверняка. Наглая и назойливая. Парикмахерша, между прочим.

— А-а... — протянул, зевая, Игорь, никак это не прокомментировав.

Утром он уехал без завтрака. Настя целый день провалялась на диване. Ей казалось, что жизнь опять показывает ей кукиш. Игорь не появился в положенную пятницу, сказав, что у него бронхит, и старательно кашляя в трубку. А в субботу они столкнулись в подъезде. В руках у него был большой букет белых лилий.

— Ты поправился? — удивилась она.

— Да, в общем. Почти, — смутился он.

В этот момент подошел лифт. Настя зашла в лифт и посмотрела на Игоря. Он почему-то стоял как столб, как бы раздумывая, стоит ли ему туда заходить. Потом вздохнул и все же вошел. Настя нажала на кнопку, а Игорь тихо и внятно сказал:

— Мне на пятый, Настя.

Те доли минуты, пока они ехали в лифте, показались Насте часами. Дверь лифта открылась, Игорь вышел.

— Как это может быть? — одними губами спросила Настя.

Минуту Игорь молчал и смотрел в пол, а потом произнес:

— Сам не знал, что вот так может быть. Просто землетрясение какое-то. Прости, если сможешь.

— Не прощу, — ответила Настя.

— Ну как знаешь. В общем, не блины с тапками главное.

— А что? — еле слышно спросила Настя.

— Дай бог тебе самой это узнать, тогда ты меня поймешь. Объяснить невозможно.

Настя нажала на кнопку шестого этажа. Дома она не плакала, а просто сидела в кресле — два, три часа. Времени она не замечала. А потом встала и сказала громко:

— Ну, этого я так не оставлю.

Она собрала вещи Игоря — голубой махровый халат, синие клетчатые тапки, зубную щетку, пену для бритья «Жиллетт», пару носков и рубашки — все, что оставалось. Положила в пакет и взяла зажигалку. Спустилась на пятый этаж. У обшарпанной Лолкиной двери она вывалила вещи из пакета, щелкнула зажигалкой, посмотрела, как разгорается огонь, и медленно поднялась к себе.

Соседи вызвали пожарных и милицию. Деревянная Лолкина дверь выгорела почти дотла. Милиция хотела составить акт, но Игорь с Лолкой убедили их, что к поджигателю не имеют никаких претензий.

Настя взяла больничный и неделю лежала дома. Не ела, не пила. Потом приехала мать и увезла ее к себе. Мать убеждала Настю, что ничего страшного не произошло, жаль, конечно, потраченного времени, но жизненный опыт неоценим. Вообще этот козел не стоит ни единой Настиной слезинки. И сказала, что она, Настя, не там ищет и что теперь спутника жизни